

На правах рукописи

Козловский Степан Викторович

**Отражение социальной практики домонгольской Руси в
восточнославянском эпосе**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Пузанов Виктор Владимирович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Майоров Александр Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент
Котышев Дмитрий Михайлович

Ведущая организация – ГОУВПО «Башкирский педагогический
государственный университет».

Защита состоится « 6 » июня 2006 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.275.01 при ГОУВПО «Удмуртский
государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул.
Университетская, 1, корпус 2. ауд. 411.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО
«Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск,
ул. Университетская, 1, корпус 2.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева.

Общая характеристика работы.

Актуальность темы. Социальная практика - вид практики, в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам, это целеполагающая деятельность в обществе, устойчивая форма общественной жизни. Поэтому социальная практика находится в центре внимания исследователей истории Древней Руси. Однако основные представления о ней в современной историографии сформированы на основе изучения письменных источников, которые, как правило, вышли из под пера представителей социальных верхов общества и испытали на себя мощное воздействие соответствующего идеологического, политического, социального и субъективно-авторского факторов. Поэтому расширение источниковой базы, совершенствование методов анализа, получение более широкого «социального среза» изучаемой эпохи – важнейшая задача исследователей русского средневековья. Одним из перспективных направлений работы в этой сфере является более широкое привлечение и совершенствование приемов анализа древнерусского эпического наследия. «Эпос – это история, рассказанная самим народом», устная историческая традиция – особая часть устной истории. Изучение древнерусской социальной практики в «эпическом отражении» позволит взглянуть на проблему «изнутри», глазами широких социальных слоев, выявить «идеальные» социальные образы, нормы поведения и т.п. Это поможет более полно и объективно реконструировать мировосприятие древнерусского общества, расширить и углубить научные представления о средневековой русской истории.

Объектом исследования является отражение социальной практики в восточнославянском эпосе.

Предметом исследования данной диссертационной работы является феномен социальной практики домонгольской Руси отразившийся в

восточнославянском эпосе, а также критерии, по которым возможно определение относительной временной обусловленности формирования эпической традиции.

Для исследования темы важное значение имеют не сами события, а их отражение в эпосе, то есть, обобщенное восприятие исторических явлений древнерусским населением, социальные факты. Наибольшее значение имеют воззрения населения, его оценки и суждения по поводу того или иного социального факта, который воспринимается ими в качестве исторического. По отношению к отдельному историческому явлению эпическая социальная практика выступает как вневременная категория, здесь имеет место особое, «эпическое» время, которое можно трактовать лишь относительно циклов, к коим принято причислять тот или иной текст эпоса. В конечном счете, хронологические рамки исследования соответствуют эпохе Киевской Руси.

Степень изученности. Социальную практику исследовали почти все отечественные историки. Эту тему невозможно обойти, поскольку она тесно переплетается с историческим процессом, является «фоном», на котором развиваются крупные исторические события. Но обращение к отражению ее в русском эпосе, первоначально, имело фрагментарный и случайный характер: В.Н. Татищев (1739) первым указал на былины как важный исторический источник по изучению реалий древнерусской социальной практики. Н.М. Карамзин использовал эпос для иллюстрации пиров князя Владимира. М.П. Погодин и К.Д. Кавелин, при анализе развития древнейшей социальной практики, также обращались к материалам эпоса лишь периодически. По мере введения в научный обиход новых сборников эпических песен, к ним возрастало доверие, и усиливался интерес к заложенной в них исторической информации.

С.М. Соловьев применял эпические материалы, чтобы показать социальную практику дружины. В.О. Ключевский отмечал функциональный характер эпоса, считая сохранение былин идеологическим фактором, способствовавшим русской колонизации. А.А. Шахматов уже не сомневался в

том, что былины являются историческим источником, и использовал их для анализа древнейшего киевского свода.

Социальная практика, отраженная в былинах, исследовалась Н.И. Костомаровым, И.Е. Забелиным, И.Г. Прыжовым в контексте изучения обычаев, быта и повседневности, но, лишь попутно, не как самоцель, а как «побочный продукт» изучения истории быта. Материалы эпоса использовались ими для подтверждения тезисов, выработанных при изучении летописей и других исторических источников. Следы изучения эпоса в подобном аспекте имеют обрывочный характер и слабо стыкуются между собой, так как появились в результате применения разных научных подходов.

Целенаправленное изучение эпической социальной практики с историко-литературных, историко-лингвистических и историко-филологических позиций проводили В.Ф. Миллер, А.Ф. Гильфердинг, А.Н. Веселовский и др. Е.В. Аничков исследовал эпос с точки зрения истории религии. С юридических позиций социальную практику, в том числе и в эпическом ее отражении, изучали: В.И. Сергеевич, Д.Я. Самоквасов, М.Ф. Владимирский-Буданов и др. историки права.

Попытки изучения эпоса в историко-социальном аспекте А.В. Марковым, В.Ф. Миллером и др. имели место с конца XIX – до начала 30-х гг. XX вв. Об этом писал Б.М. Соколов (1931); но в силу неразвитости социологии этого периода и применения к ученым мер идеологического воздействия, они не шли далее слабо аргументированных заявлений о возможности применения ее методов к былинам.

В советское время изучением сведений эпоса в историческом аспекте занимались такие ученые, как: Б.Д. Греков, В.В. Мавродин, М.Н. Тихомиров, в работах которых эпические материалы используются для анализа летописных сведений древнейшего периода; В.Г. Мирзоев, проводивший сравнительный анализ былин и летописей; Б.А. Рыбаков, использовавший при сравнительном анализе былин и летописей данные археологии; Д.С. Лихачев, В.В. Колесов, обратившиеся к изучению мировосприятия человека

Древней Руси; И.Я. Фроянов, В.В. Долгов, уделявшие внимание изучению сакрального компонента в социальной практике Древней Руси; А.А. Медынцева, Т.В. Рождественская, Е.А. Мельникова, Т.Н. Джаксон, изучающие эпос в рамках концепции «устной истории» и др.

Наряду с историками, проблему исследования социальной практики отраженной в эпосе разрабатывали и другие ученые – фольклористы, филологи, лингвисты, среди которых особенно важны исследования В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, А.М. Астаховой, В.И. Чичерова, М.М. Плисецкого, П.Д. Ухова, В.П. Аникина, С.Н. Азбелева и др. Их работы имеют большое значение для выяснения проблем устойчивости, сохранности отраженных в эпосе представлений о древнерусской социальной практике и т.д.

Многие вопросы, касающиеся истории и историографии отечественного и мирового эпосоведения уже описаны в ряде научных трудов. В этой связи можно упомянуть статьи И.Л. Лося, посвященные былинам, богатырям и их исследователям в энциклопедии Брокгауза и Эфрона; «Историю русской фольклористики» М.К. Азадовского (1958 - 1963), «Историю фольклористики в Европе» Дж. Коккьяра (1960), «О людях русской науки и культуры» Д.Н. Анучина (1952), А.М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» (1966), Б.Н. Путилова «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (1976), статьи в «Материалах и исследованиях по русскому фольклору», в журналах «Русская литература», «Вестник МГУ» и т.п., Свод русского фольклора (2001). Поэтому, задача выявления следов исследования социальной практики в работах фольклористов не ставится.

Каждое из упомянутых исследований рассматривает историографию на определенном отрезке времени, с высоты господствовавшей идеологии и устоявшихся воззрений на эпос. Поэтому есть необходимость обобщения опыта отечественного эпосоведения и выявления методологии, приемлемой для исторического изучения отраженной им социальной практики.

Обычно в историографии выделяется пять основных точек зрения на проблему исследования путей развития и зарождения эпоса: 1). Мифологическая школа во главе с Ф.И. Буслаевым – развитие шло от мифа через былину к исторической песне по пути конкретизации содержания. 2). Школа заимствований (миграции) во главе с В.В. Стасовым – развитие шло по мере усвоения сюжетов от соседних народов. 3). Историческая школа во главе с В.Ф. Миллером и Советская историческая школа во главе с Б.А. Рыбаковым – развитие эпоса шло от исторической песни к былине по пути мифологизации содержания. 4). Сравнительно-историческое литературоведение во главе с А.Н. Веселовским – развитие шло путем самозарождения и (или) заимствования сюжетов по мере развития быта (общества) от жанра к жанру. 5). Историко-типологическое направление во главе с В.Я. Проппом – эпос развивался по мере появления и развития «идей» в обществе.

Все эти «точки зрения» допускают возможность поступательного «развития» эпоса в том или ином виде, то есть, фактически, предусматривают его историзм. Некоторые идеи, главным образом, историко-социологического направления, которое исходило из развития эпоса в соответствии с развитием общества, были отвергнуты преждевременно, по политическим соображениям. Историко-социологическое направление в историографии получило наименование «вульгарно-социологического», благодаря утрированному восприятию идей марксизма «пролетарскими» учеными (Б.М. Соколовым в первую очередь) в духе теории М.Н. Покровского, что привело, например, к восприятию ими «образа Микулы Селяниновича как кулака-своеземца».

При изучении результатов исследований различных направлений эпосоведения становится ясно, что почти все возникшие в XIX – XX вв. «школы» продолжают существование, но общепринятой методологии, которая позволила бы изучать эпос в историческом аспекте, нет.

Цель работы – реконструировать, выявляя временные напластования, традиционные представления о различных аспектах социальной практики домонгольской Руси, сохранившихся в отражении эпической традиции.

В соответствии с целью ставятся следующие исследовательские **задачи**:

1. Обобщение опыта различных наук, в сферу интересов которых входит социальная практика, и формирование на этой основе методологической базы исследования.
2. Анализ влияния типического места эпического хвостовства (публичной деятельности) на изменение социального статуса былинных героев; эпического восприятия личности в оппозиции «свой-чужой»;
3. Анализ эпических представлений о гендерных отношениях и быте; анализ эпических представлений о сакральности норм социальной практики.
4. Комплексная оценка эпических представлений о социальной практике и выявление временных напластований в эпической традиции.

Источниковая база. Важнейшими для исследования являются эпические произведения, и, прежде всего, былины. Тексты исследуемых былин опубликованы в сборниках А.М. Астаховой, А.Ф. Гильфердинга, С.И. Гуляева, А.Д. Григорьева, Кириши Данилова, В.И. Калугина, П.В. Киреевского, А.В. Маркова, Н.Е. Ончукова, В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова, П.Н. Рыбникова, Ю.М. Соколова и В.И. Чичерова, «Свода русского фольклора». В них наибольший интерес представляют так называемые «общие места», как наименее подверженные изменениям части эпической традиции. Для сравнения с восприятием былин (ранний эпос) используются исторические песни (поздний).

Работа, связанная с анализом эпических материалов, требует сравнения с письменными источниками эпохи Киевской Руси. Для сравнения с позицией населения относительно социальной практики, которая отражена в эпосе, надо выявить случаи полностью аналогичного восприятия реально происходивших событий в письменных источниках. Поэтому, комплекс

используемых источников не выходит за рамки обычно применяемых при изучении древнерусской социальной практики:

1. Летописи (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская I.).
2. Литературные памятники: «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника, «Поучение» Владимира Мономаха, «Киево-Печерский патерик».
3. Памятники русского права (Русская Правда, княжеские уставы, Псковская судная грамота).
4. Известия средневековых арабских, византийских, венгерских и др. авторов.

Фрагментарность сведений об обрядах, ритуалах и их восприятии населением, которые содержатся в письменных источниках и эпических материалах, требует привлечения сведений этнографии об обрядах и ритуалах славянских народов, их функциональной направленности, опубликованных в работах А.Н. Афанасьева (1991), П.Г. Богатырева (1971), Д.К. Зеленина (1988) и др.

Наибольшую трудность в отношении сравнительного анализа эпоса представляет использование данных археологии, поскольку их трудно интерпретировать в отношении устной традиции. Однако в работе есть попытка внесения поправок в трактовку смысла некоторых археологических находок.

Методологическая база. Анализ и формирование методологической базы представлено в первой главе диссертации. Информация, заложенная в эпических материалах, является многослойной и касается самых различных сторон жизни общества. В этих условиях изучение деятельности эпического социума возможно только в рамках комплексной методологической базы с учетом методов других наук, в сферу интересов которых входит социальная практика. За основу методологии принимаются методики, используемые в исследованиях по «устной истории» и методологические положения В.Я. Проппа и Б.А. Рыбакова, то есть, эпос отражает «идеи» социума, но эти идеи

зависят от конкретных исторических условий. В качестве основных в данном исследовании применяются: метод структурно-функционального и генетико-социологического анализа. Наиболее близок по смыслу к применяемой в отношении эпоса методике так называемый «историко-социологический» метод, о котором заявляли в начале XX века А.В. Марков и Б.М. Соколов.

Научная новизна. Данная работа является одним из первых исследований по истории социальной практики домонгольской Руси, нашедшей свое отражение в эпосе – устной исторической традиции. Научная новизна во многом определяется применяемой при его анализе методологией. Предполагается, что в былинах отразились типичные социальные факты домонгольской Руси, поэтому, при междисциплинарном подходе к исследованию в целом, основной подход к эпическим материалам историко-социологический.

Научная и практическая значимость работы. Поскольку историзм определяется как «смена состояний в развитии», историческому изучению эпоса мешает «антиномия» исторической реальности и ее обобщенного отражения в эпосе. Примененный в работе историко-социологический подход позволяет показать в рамках эпохи последовательную смену стадий развития социального образа эпического героя, то есть, обнаружить «историзм» отражения социальной практики в эпосе, что дает возможность изучать эпос как вспомогательный источник по изучению истории социальной практики домонгольской Руси. Материалы исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по социальной и этнокультурной истории, при проведении семинарских и факультативных занятий в вузах и школах.

Апробация основных положений диссертации проведена на международных, всероссийских, региональных конференциях:

1. «Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья» (г. Ижевск. 2002 г.), VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция (г. Ижевск. 2003 г), Вторая

научно-практическая конференция по проблемам развития агропромышленного комплекса, посвященная 95-ти летию со дня рождения К.И. Шибанова. «Шибановские чтения» (г. Ижевск. 2004 г.), «Этноцентризм и толерантность. Альтернативы социокультурной интеграции» (г. Ижевск. 2005 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на тематические параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Содержание работы

Во **введении** обоснована актуальность темы, степень изученности, научная новизна и практическая значимость, дан обзор источников, показаны хронологические рамки, обоснованы цели и задачи исследования.

Глава I. «Историографический и методологический аспекты проблемы междисциплинарного изучения эпических материалов в контексте исторического исследования».

В первом параграфе: «Историографический аспект проблемы междисциплинарного изучения эпических материалов в контексте исторического исследования» рассмотрены точки зрения историков, филологов, литературоведов, фольклористов на проблему исследования эпоса в историческом отношении, выделены их мнения относительно значения эпоса как исторического источника. Особое внимание уделено причинам отказа от «исторического» изучения эпоса и выяснению путей дальнейшего развития эпосоведения. Кроме того, выделены наиболее перспективные направления исторического исследования эпоса – устная история и историко-социологическое направление, в рамках которых возможно преодоление противоречий между советской исторической школой Б.А. Рыбакова и историко-типологическим направлением В.Я. Проппа.

Как показал анализ историографии, из дискуссии В.Я. Проппа и Б.А. Рыбакова можно сделать вывод о том, что эпические материалы являются продуктом «художественного творчества», отражают «идеи и чаяния

народных масс», (точка зрения В.Я. Проппа), но эти «идеи и чаяния» обусловлены всем ходом исторического процесса (точка зрения Б.А. Рыбакова). Таким образом, существует возможность сопоставления «идей» социальной практики в отражении эпоса и летописей, что в перспективе позволит датировать информацию эпоса.

Во втором параграфе: «Методологический аспект проблемы изучения эпических материалов в контексте опыта смежных дисциплин» проведено обобщение опыта других наук, в сферу интересов которых входит социальная практика, представлены общетеоретические и методологические основы исследования эпоса. Проблемы, связанные с изучением отражения социальной практики в эпических материалах условно разделены на три основных части: проблемы анализа былинного текста как материала, содержащего информацию о социальной практике; проблемы анализа социальной практики в отражении эпоса; проблемы интерпретации полученных данных в отношении истории.

Эпос рассматривается как особая часть устной истории, имеющая отличия в методике изучения. Основная специфика заключается в том, что между очевидцем и записью его впечатлений имеются передаточные звенья. Запись непосредственно от очевидца событий невозможна, методика, применяемая в исследованиях по изучению «устной истории», должна быть адаптирована к особенностям текстов устной исторической традиции. Эпос является частью «устной истории», поэтому, в первую очередь, используются методы, характерные для нее.

1. Каждый фольклорный текст, и эпический в том числе, представляет собой запись особого рода интервью о поэтически осмысленных событиях «истории» («старинах») и их участниках (богатырях), которые по каким-то причинам отложились в памяти сказителей. Поскольку опрос проводился обычно, в индивидуальном порядке с каждым сказителем, который формулировал текст былины в соответствии со своими, отражающими эпическую традицию, представлениями о старине и имеющимся в наличии

«запасом типических мест», можно вести речь о записи мнений о том, что представляли собой «старины».

2. Поскольку есть необходимость аналитической работы с мнениями людей о том, что происходило в эпоху «старинной», то есть, фактически, Киевской Руси - массовыми текстовыми материалами устной исторической традиции о социальной практике, представляющим по форме интервью, то наиболее эффективным в данном случае будет применение качественного подхода современной социологии и, соответственно, методов наблюдения, структурно-функционального и генетико-социологического анализа.

3. Исходя из того, что надо иметь дело с системой передачи смысла из одной системы знаков в другую, то не обойтись без применения методов семиотики - структурного и формального анализа знаковых систем.

4. Поскольку знаковые системы эпического текста построены в виде определенного взаимодействия «типических» мест, в исследовании используются достижения современной филологии.

5. Учитывая, что эпические материалы представляют собой отражение социальной практики, для ее анализа используется методика «Школы Анналов»:

5.1. «Сосредоточение внимания на исторически изменяющемся человеческом сознании, в котором смыкаются все социальные феномены от экономики, структуры общества, до верований и политических кризисов. Выход через общественное сознание к постижению общества как целостности».

5.2. «Осмысленный подход к теоретическим предпосылкам исследования и предварительная разработка вопросов к источникам».

5.3. «Тотальная история» (преобладание синхронистического метода).

6. Поскольку социальная практика развивается во времени, применяется также метод историко-сравнительного анализа.

Выделены мнения и проведен анализ точек зрения на проблему со стороны историков, славистов, филологов, и лингвистов: Д.С. Лихачева, В.Ф. Миллера, А.Ф. Гильфердинга, А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, Г.Г.

Москальчук, Е.Б. Артеменко, В.И. Еремина, Ю.К. Щеглова, А.Ю. Корбут, О.Б. Лихачевой, Б.Н. Путилова, В.Я. Проппа, П.Д. Ухова, З.М. Петеневой.

Рассмотрены точки зрения социологов и психологов (Э. Дюркгейма, А. Маслоу, Т. Парсонса, Р. Мертона, В.А. Ядова, Б.Д. Парыгина, Б.Ф. Поршнева, Л.С. Выготского, И.С. Кона, Е.П. Ильина, Б.М. Бехтерева, З. Фрейда, а также антропологов и культурологов: А.Я. Гуревича, Г. Спенсера) на проблему изучения социальной практики. На основе социальной психологии выделены критерии восприятия социумом действий и роли героя. Простейшим критерием, по которому определяется и выделяется отношение социума к конкретной личности, служит общественное одобрение либо неодобрение ее поведения, как следствие нормативности либо ненормативности ее действий.

Определены основные элементы комплексного подхода к тексту как многослойному комплексу разновременной информации и алгоритм применения структурно-функционального анализа к текстам, содержащим сведения о социальной практике. Рассмотрена возможность применения теоретических разработок представителей символического интеракционизма (Г. Блумера, Дж. Мид) и русской семиотики (В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского). На основе этих работ выработана последовательность раскрытия и анализа эпического отражения социальной практики.

Глава II. «Анализ эпического восприятия личности в оппозиции «свой-чужой» и влияния публичной деятельности на изменение социального статуса былинных героев».

В первом параграфе: «Анализ влияния типического места эпического хвастовства (публичной деятельности) на изменение социального статуса былинных героев», рассматривается отношение эпического социума к традиционной похвальбе действующих лиц, причины позитивного, нейтрального и негативного ее восприятия, зависимость восприятия хвастовства от социального статуса. Восприятие похвальбы является одинаковым во всем эпическом комплексе. При сравнении «эпического» восприятия похвальбы с аналогичным восприятием данного явления,

зафиксированным в летописях, нетрудно заметить, что расхождения отсутствуют, то есть, логика восприятия публичной деятельности в эпосе (устной исторической традиции) и в летописях одна и та же. Таким образом, эпос и летописи отражают «идеи» одной и той же социальной практики соответственно своей точке зрения на рассматриваемые ими исторические проблемы.

Проанализированы традиционные характеристики эпического хвастовства, которое можно свести к трем обозначениям: «глупое» (сестрой, детьми, женой), «иное» (обычное, результатом повседневного «труда»), «умное» (родителями). Завязки сюжета не возникает до тех пор, пока у присутствующих не появляется сомнений в правдивости сказанного. Они возникают в двух случаях: первый – когда человек похвастал тем, что «трудом» и «заслужено» считать не принято (женой, детьми, сестрой); второй случай - если герой похвастал тем, что в его социальной группе по роду занятий («крестьянин прожиточный», рыбак, богатырь, гостинный сын и т.п.) обычным «трудом» получить нельзя. Так, Илья Муромец – крестьянин, хвастает богатырским подвигом – поимкой Соловья-разбойника; гусяр Садко хвалится знаниями о золотой рыбке, которыми обычно обладают рыбаки, а не гусяры и не купцы.

Если в первом случае герой обычно наказывается, то во втором случае для героя неизбежно испытание, выдержав которое человек становится ближе к князю по месту на пиру, и, соответственно, поднимается в социальной иерархии.

Анализируется и регламентация этого явления. Хвастовство поощряется только на пиру, является необходимой частью почестного пира и должно соответствовать «труду», совершенному хвастающим. В противном случае, все, что не доказано как результат «труда», должно быть оспорено, отобрано и поделено, либо уничтожено, так как любое хвастовство – это претензии на определенную социальную роль и статус, влияющие на изменение иерархии в обществе.

Поскольку в каждом сюжете один из типов похвальбы оказывается важнее других и «приковывает» к себе внимание общества, хотя в остальных случаях его просто не замечали при перечислении хвастовства, встает вопрос об актуальности похвальбы. Один и тот же подвиг в эпосе может быть зафиксирован как статистика, либо возвеличен благодаря награде и общественному признанию. Это означает «моду» на определенный тип похвальбы и подвига в конкретный период времени, и, соответственно, возможность выявления «напластований» в эпической традиции.

Во втором параграфе: «Анализ эпического восприятия личности в оппозиции «свой-чужой»», для изучения социальных отношений используются бинарные оппозиции (свой-чужой), позволяющие отчетливо проследить границы социальных страт и выявить основные принципы их взаимодействия.

Можно отметить, что «свои» воспринимают «чужих» как некую «терра инкогнито», образ, за которым может скрываться и «человек», и «чудовище», которое проявит свою истинную сущность в нехарактерных для «настоящих» людей чертах внешности и поведения. Поведение представителей различных социальных групп было друг для друга в разной степени аномальным. В эпосе, в зачаточном состоянии, есть противостояние города и деревни, но нет изображения ремесленников в качестве лиц со статусом, связанным с профессией. Это противостояние в былинах не единственное. Есть противоречия между «голью» - городскими низами и «боярством», между «боярами» и «богатырями»; между «богатырями» и князем и т.д.

Поскольку часто богатыри-соперники были для Киева в равной степени «приезжими», становится актуальной проблема восприятия референтной группой (киевским социумом) представителей различных этнических групп.

В связи с этим, анализируется место эпической личности в социальном пространстве. Эпическая личность определяет свое место в социуме в соответствии со сложной нелинейной пространственно-временной системой координат. Имеет место определение «своих» и «чужих» по-горизонтали: 1).

Мужчина. 2). Женщина. 3). Некто (чьей принадлежность к мужскому или женскому полу по визуальным и аудиальным признакам определить нельзя – «калика», «поленица» и т.п. могут оказаться с одинаковой вероятностью, как мужчиной, так и женщиной). Можно выделить несколько вертикалей от низшего звена к высшему, при соотношении человека и общества: I. Вертикаль «родственных отношений»: 1). Отец, Мать, (семья); 2). Род («кая деревни»); 3). Племя («когого города, кая орды»); 4). Союз племен (киевский, «кая земли»; «Земля» в ее узком понимании, территория, на которой действует (признается) власть киевского князя); 5). Союз союзов племен (принадлежность к «Земле святорусской» либо «неверной», «Земля» в ее широком понимании, то есть, земля на которой действует «вера» (закон)).

II. Вертикаль эпического времени (возраста): 1). «Малый»; 2). «Средний»; 3). «Старой».

III. Вертикаль «кастовости»: 1). Профессия (род занятий); 2). Сословие (Князь, бояре, гости, крестьяне).

IV. Вертикаль «знатности»: 1). Отецкий (сын, дочь); 2). Боярин; 3). Князь.

V. Вертикаль «правоспособности»: 1). Паробок; 2). Слуга (княжеский «чиновник»); 3). Свободный (муж - совершеннолетний, женатый); 4). Господин (боярин, отец). 5). Князь, (светский) или духовный – Владыка Черниговский.

VI. Вертикаль принадлежности к социальным стратам, посещающим «святые места» и по престижности посещения «святых» мест: 1). Церковь и иконы (приход) – локальный престиж; 2). Собор (паства) – престиж в рамках области (княжества); 3). Иерусалим (конфессия) – престиж во всей Русской Земле.

Человек в соответствии с подобной системой координат мог осознавать себя в разной степени «своим» и «чужим» по отношению к представленным категориям социального соответствия.

«Враги» героев эпоса имеют индивидуальность: в происхождении, способе действия, средствах достижения цели, сфере деятельности.

Конфликты между ними не делятся строго на конфессиональные и этнические, но имеют внешнеполитический либо социальный характер. Имеется неоднородность подхода к тому, кто является «своим» и «чужим» в освещении ситуации в целом. Это показывает, какой конфликт был актуален:

1. Насаждение «веры» (Илья)
2. Завоевание территории (Вольга)
3. Защита от «разбоя» (Микула, Илья)
4. Заключение мирных договоров на приемлемых условиях – путем брака с иноземками, «царевнами», «королевнами» (Дунай, Добрыня).
5. Расправа над непокорными вассалами (Данило Ловчанин, Ставр Годинович, Чурило, Дюк Степанович, Тугарин),
6. Усиление общественной роли определенных социальных страт – «Гостей», «Бояр», «Богатырей», «Калик», «Крестьян», «Князей».
7. Усиление общерусского значения некоторых территорий (Чернигов, Волынь, Галич).

Глава III. «Анализ эпических представлений о гендерных отношениях, семье, быте и сакральности в социальной практике».

В первом параграфе: «Анализ эпических представлений о гендерных отношениях, семье и быте» анализируется их место и роль в социальной практике, а также изменения, связанные с трансформацией социальной обстановки, рассматривается восприятие половой принадлежности личности. В былинах формально есть три типа смысловых значений для гендерного восприятия человека – мужчина, женщина, и существо не вполне определенного пола, которое может оказаться как мужчиной, так и женщиной.

Для разных групп считался присущим только им определенный тип одежды. Так, к примеру, калика переходящая говорит Илье: «у меня платье – каличие, у тебя платье – молодецкое». Целый комплекс определений социальных групп лишен гендерных различий. Вместе с тем, существовали характерные особенности восприятия внешнего вида и поведения: «У

женщин волос долог». Кроме «Калики перехожей», в эпосе есть еще несколько наименований социальных групп, обозначенных по тому же принципу: «Скоморошина удалая», «Слуга верная», «Поленица удалая» и т.д.

Взаимоотношения полов на Руси были жестко регламентированы социумом и шли по отлаженной схеме, в которой инициатива принадлежала мужчинам. Женщины обычно не были социально активны в рамках древнерусского общества (за исключением «матерых вдов»). Любое исключение в этом плане рассматривается либо как парадокс (действия жены Ставра), либо как преступление (действия Марины Игнатьевны).

Любовь как нечто обособленное от брака в эпосе не поощряется. При этом «любовь до гроба», смерть в один день, похороны в одной могиле являются идеалом «любви». Эпос подчеркивает функциональный характер семьи и ставит его выше любых «чувств». «Телесная» любовь отделяется от возвышенной (платонической), но «чувства» в семейно-брачных отношениях не поощряются, равно как и половые отношения до замужества.

Наличие в семье девушки, еще не выданной замуж, видимо, показывало силу ее рода, бросало вызов женихам, демонстрировало высокое социальное положение родичей, которые удерживали ее взаперти. Возможно поэтому, сестра и братья, а также княгиня на выданье и ее отец, не испытывают сильных «родственных чувств». Учитывая обычное неприятие «самопросватывания» девушек, любое их нежелание вступать в брак расценивается как ложная скромность либо чванство всей семьи девушки, в ответ на которое эпос допускает насилие.

Идеальным при создании семьи, в былинах, считается брак - договор между равными по имущественному и социальному положению родами. Умаление престижа сторон являлось препятствием при заключении брака.

Прелюбодеяние, вероятно, преступлением мужчин не считалось, возможно, имели место представления о некоей «презумпции виновности» женщины, о неспособности героя противостоять женским чарам. В ряде случаев, мужчин, которые совращают жену героя, не наказывают за это.

Лучше всего характеризует ситуацию фраза Ильи, в адрес Добрыни: «Не убей ты из-за женщины богатыря». Можно допустить, что герой мог обратить гнев на жену как некую «собственность», вещь, но не на другого мужчину.

К семье в былинах особое отношение: можно отнять у противника невесту, дочь, сестру, но венчанную жену богатырь отнять уже не может. Действует правило: «нельзя у жива мужа жену отнять», любой, кто пытается нарушить это правило, обычно, получает заслуженное наказание.

Князь, для исполнения представительских функций, мог отнять жену у кого угодно, с молчаливого согласия общества, в том случае, если она «сверстна» ему, то есть, столь же красива, умна и т.п., как и князь. Если «жена» героя оказывалась не «сверстна» князю, а превосходила его (жена Ставра), то одобряемого обществом права отнять женщину у недостойного ее мужа князь уже не имел. Княгиня Ольга «переключала» своих женихов, то есть, оказалась «не сверстна» князю древлян Малу и византийскому императору. Женщина, если она «не сверстна» богатырю – «еретница» (былинная) Маринка (или князю) – легендарная (не эпическая) Феврония Муромская, не имеет легитимного права вынудить его жениться на ней.

Определенные изменения в эпических представлениях о семье, браке, типичных предпочтениях женщин и мужчин очевидны. Существуют также контекстуальные воззрения на то, с выходцами из какой социальной страты брак был наиболее предпочтителен:

1. Забава Путятична оказывает предпочтение «Гостю», – Соловью Будимировичу, а не «Голому Щапу» Давыду (Попову).
2. «Жена» богатыря Ивана Годиновича предпочитает «Царище-Кощерище».
3. Илья Муромец вообще не желает, за редкими исключениями (Савишна) связывать себя узами законного брака.
4. Жена Данило Ловчанина отказывается от брака с князем Владимиром.
5. На определенном этапе для богатыря наибольшее значение получает брак с иноземками - «поляницами» (Дунай, Добрыня, Потык).

6. Коренным образом меняется отношение к браку в сюжете о Чуриле. До этого момента речь в былинах идет о сватовстве, а в данной ситуации другая цель – соблазнение замужней женщины без намерения жениться.

Во втором параграфе: «Анализ эпических представлений о сакральности в социальной практике» исследуется значение этого феномена как фактора влияющего на социальные процессы.

Сакральным является тот смысл, функциональная направленность, который вкладывался в ритуальные и обрядовые действия, регламентируемые обычаями и формируемые в результате развития общественных отношений. Структура общества в результате проведения ритуала легитимно меняется и фиксируется в обычной норме до следующего подобного акта. Простейший пример сохраняющегося изменения этой структуры – ритуал свадебного пира, после которого его участники получают новый статус.

Судя по всему, былинный пир – еще дохристианская форма легитимизации социального статуса. Но его изменение является только следствием ритуала, основным содержанием которого была похвальба. На пиру она адресована обществу, вне пира – всему миру. Вызов «силам небесным», Богу – это вызов тому, что богатыри должны защищать, анти-богатырское поведение, «разбой». В этом случае вступает в силу напутствие родных богатырю: «если на разбой пойдешь – не носи тебя сыра земля».

Значительное место в социальной практике занимают представления о сакральном значении одежды как основного средства идентификации. Вид одежды связывался в эпических представлениях с ее функциями, среди которых на первом месте функция оберега. Показывая беззащитность героя, былины изображают его без одежды, но как только он получает хотя бы «шапку», как вновь обретает силы.

Отдельное внимание уделяется проблеме соотношения Веры и суеверий в системе эпической идеологии. Центральное положение в этой системе занимает сакральное значение веры. Понятие «Верь» в эпосе не сводится к «Вере Христовой», которая упоминается в былинах не как

обобщение, а как «закон», то есть, особая часть «Веры православной, русской». Вера и обряды немислимы без служителей церкви. Но, по причастности к ритуалам в эпосе священники стоят на одном из последних мест. Отношение к ним презрительное – «А поповского роду он, задорного, увидит бессчетную золоту казну – тут ему и голову сложить». Создается впечатление, что они не входят в число необходимых атрибутов культа. Даже в церкви эпос чаще показывает князя и богатырей, чем попов. Единственная личность, имеющая сан и, несмотря на это, получающая в эпосе уважение – Владыка Черниговский. Но и он обращает на себя внимание не в роли священнослужителя и пастыря церковной общины, а как «талисман» при совершении сделки – заклада. Возможно, это связано с тем, что в эпосе не придается особого значения смерти, она связывается с отсутствием «молодеческого счастья», понятием судьбы. Вопрос о судьбе (смысле жизни) сводится к размышлениям о функциональном значении социальной роли героя, и месте, которое он вынужден занимать в социальной системе в соответствии с его заслугами.

Особое внимание в былинах уделяется процедуре поединка, которая имела большое сакральное значение. Эпический поединок равнозначен понятию «испытание», поскольку может проходить не только в виде боя, но и в форме испытания меткости, удачливости, хитрости (умения правильно понять задание). В том, поймет ли «хитрость» противник – жених либо невеста, есть ясный сакральный момент. Для выражения различных форм причастности к какой-либо социальной страте и этнической общности служит ритуал в той или иной его форме. Понять кто свой, а кто – чужой можно только по степени допуска к участию в ритуале. Иносказание понятно лишь «своим», посвященным в обряды и таинства.

Анализируя метатекст сакрального компонента социальной практики можно отметить ее неоднородность. Каждый тип героя имеет небольшие, но существенные для его характеристики изменения того, как именно он участвует в ритуале, какими «сверхъестественными силами» он пользуется.

Нетрудно видеть некоторые изменения в подходе к тому, кто из эпических героев (и в какой форме), обладает сакральностью - тем, что приносит им удачу, священным (сверхъестественным образом) – Князь Вольга («оборотничество»); Богатыри («волхи вы все да волшебники»); Калики («святость»); Микула («Тяга земная»); Гость Соловей-Будимирович, Гость Садко (богатство); бояре Чурило и Дюк (Щапливость).

Глава IV. «Соотношение контекста и метатекста социальной нормы».

В первом параграфе: «Значение типичности социальной практики в эпосе», анализируются социальный фон и мода, типичные для эпических героев.

В отличие от метатекста, лишенного конкретики (некто совершил действие, которое не было продолжено в дальнейшем повествовании), контекст предусматривает рассмотрение процесса и условий совершения, а также последствий того или иного действия поименно названных личностей. Из этого следует, что конкретный способ, которым совершался «подвиг» и специфические средства, благодаря которым достигалась цель, имеют большое значение для достижения престижного положения в социуме. Цель не всегда может оправдать средства – благородному «рыцарю» никогда не простят того, за что поощряют подлого «асассина». К «средствам» примыкают те качества в поведении героев, которые дают преимущества в социальной практике, приносят удачу и успех. Эти качества известны почти поименно: «Богатство» Ставра; «Сила» Святогора; «Меткость» Дуная Ивановича и т.д.

Возможно, в эпическом обществе было сразу несколько подходов к тому, что считать «подвигом», соответствующим допустимой норме. Престижность подвигов, вероятно, соответствует иерархии потребностей общества. Люди хвалятся на пиру одними и теми же типами «подвигов» - но один тип похвальбы как инструмента повышения социального престижа всегда имеет преимущество. Он, по-видимому, наиболее необходим обществу.

Изменения наблюдаются также в отношении награждения эпических героев. Поэтому можно говорить о четко обозначенных следах атрибутов

престижности в эпосе, которые подпадают под определение «моды». Благодаря наличию в былинах «моды», обусловленной изменениями представлений о престижности (ее восприятия в рамках «эпической» модели сохранения традиции), а также «фона» (условий социальной практики), на котором происходит действие, есть возможность показать присутствие «слоев» в эпических материалах.

Во втором параграфе: «Смена культурно-исторических моделей поведения в эпической социальной практике», анализируется смена культурно – исторических моделей престижного поведения в эпических материалах. Чтобы установить относительные координаты былинных героев в эпическом времени, необходимо понять, какие потребности общества вызвали их появление, какую «моду» они устанавливали, каким правилам следовали, и выразителями интересов каких социальных страт являлись.

Функция эпического героя, являющаяся метатекстом социальной нормы, контекстуально варьируется по этническому и «статусному» наполнению. Это показывает изменение взглядов социума в отношении важности задач, встающих перед ним, и представлений о том, кто способен их решить в данный момент. Две задачи одновременно первоочередными быть не могут, одна непременно решается позже другой. Согласно изменению потребностей и приоритетов в развитии социума формируется сюжетный ряд и развивается функция былинного героя. Для решения разных задач нужны выходцы из различных социальных групп: княжеские, крестьянские, гостиные, поповские сыновья, наездники (поляницы), калики, голи.

Чтобы выявить общую преемственность эпических героев, проведен их «социометрический» анализ. Оказалось, что преемственность не всегда имеется в явном виде, то есть, наследуется от одного героя другим поименно: Илья получает силу от Святогора и т.п. Часть героев буквально соприкасаются друг с другом, передавая «эстафету» функции по цепочке, но другая остается без преемственности. После сопоставления социального

происхождения героев с данными анализа, оказалось, что места разрыва последовательности, когда прямого поименного наследования нет, предназначены для героев с «низким» социальным происхождением. Они комплементарны предыдущим и последующим носителям функции, исполняют роли антигероев или союзников, идеально заполняют лакуну в эстафете функции. Разрывы функции, вероятно, связаны с наличием нескольких героев – продолжателей функции, имеющих «низкое» социальное происхождение, которые выступают под именами прежних героев (Псевдо-Добрыня и Псевдо-Илья).

В любом случае, все герои не укладываются в эту схему, что показывает наличие «параллельных» образцов героического поведения сложившихся в близких условиях социальной практики в разных землях Киевской Руси. Эпос, вероятно, сохранил образцы поведения, существовавшие в разных землях Киевской Руси. Герои с одним и тем же социальным происхождением являются образцами поведения с различной территориальной окраской: Гуслияры – гости: Ставр Черниговский, Псевдо-Добрыня Киевский, Садко Новгородский; Бояре – Разбойники (гостинные дети): Василий Буслаевич Новгородский, Чурило Пленкович Киевский и т.д.

Наиболее вероятный вариант последовательности функции эпического героя Киевского цикла: Вольга (княжеский сын) – Микула (крестьянский сын) – Святогор (богатырь) – Илья Муромец (крестьянский сын) – Добрыня (Гостинный сын-наездник) – Дунай (Наездник-поляница) – Алеша (Попович) – Псевдо Добрыня (гуслияр) – Псевдо-Илья (Калика) – Васька-пьяница (Голь) – (Бермята) – Чурило (боярин-разбойник) – Дюк (Гостинный сын).

Функция эпического героя киевского цикла нуждается в сравнении с функциями эпических героев других «волостей». Сохранилась, по-видимому, лишь одна локальная функция эпического героя (Новгородского цикла). Функция героя в новгородском цикле выглядит так: Садко (купец-«гуслияр») – Пилигримище (калика) + голи (мужики Новгородские) – Васька Буслаев (боярин-разбойник).

Это доказывает, что эпическая функция героя, начиная с «Гусляра», развивалась в Новгороде синхронно, параллельно ее развитию в Киеве (не пересекаясь с киевской). Таким образом, социальная практика в Новгороде развивалась аналогично киевской, и, хотя политическое пространство Древней Руси не было единым, образцы поведения формировались в условиях развития единого для всей Руси процесса социальных изменений. Следовательно, для всей Руси в социально-экономическом плане были актуальны одни и те же тенденции моды в самом различном ее понимании – от моды на престижные действия, до идеологии (комплекса «идей»).

Начальная часть цепочки героических образов функции эпического героя представляет особый интерес: образы Вольги, Микулы и Святогора показаны без упоминания церкви и «общих» мест христианского приветствия в процедуре приезда богатырей ко двору князя Владимира, сюжеты с их участием устная историческая традиция относит к дохристианскому периоду развития эпоса. Христианизация может связываться с появлением получающего силу от Святогора Ильи Муромца, для которого христианские черты характерны. Это дает возможность выделения в функции эпического героя трех этапов: 1) Дохристианского (Вольга, Микула, Святогор); 2) Киевского (Илья, Добрыня, Дунай, Алеша); 3) Удельного (Псевдо-Добрыня (Гусляр), Псевдо-Илья (калика), Васька-пьяница (голь), Чурило (боярин-разбойник), Дюк.

Удельный период Киевского цикла в отражении социальной практики совпадает с Новгородским циклом, что означает тождественный характер развития социальной практики во всей домонгольской Руси вдоль основных транспортных артерий – Днепра и Волги. Судя по всему, удельный период можно отнести к времени обособления Новгорода, а Киевский датировать на основании этих двух дат - от начала массовой христианизации (первая) до выхода Новгорода из-под власти Киева (вторая). То есть, функция эпического героя Киевского цикла началась в дохристианскую эпоху, в конце X в. начался Киевский период, продолжавшийся до отделения Новгорода в

конце первой половины XII в. Удельный период, начавшийся в первой половине XII в. продолжался до конца домонгольского периода киевской Руси, поскольку других образцов поведения в социальной практике, кроме известных в Киевском эпическом цикле, Новгородский цикл не имеет.

Заключение. В заключительной части исследования подведены итоги работы, сформулированы наиболее важные выводы, к которым пришел автор, намечены пути дальнейших исследований в данной области.

Основные положения диссертации излагаются в работах:

1. Козловский С.В. Хвастовство в социальной практике Древней Руси XI – XIII вв./ С.В. Козловский // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию И.Я. Фроянова. СПб – Ижевск, 2001. - С. 113-125;
2. Козловский С.В. Толерантность и этнический фактор в социальной практике на основании материалов былин / С.В. Козловский // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной конференции. - Ижевск, 2002. - С. 402-408.
3. Козловский С.В. Обозначение половой принадлежности в эпосе/ С.В. Козловский // Шибановские чтения 2004. Материалы конференции. - Ижевск, 2004. - С. 60-65.
4. Козловский С.В. Образ женщины в русском героическом эпосе/ С.В. Козловский // Шибановские чтения 2004. Материалы конференции. – Ижевск, 2004. - С. 65-67.
5. Козловский С.В. Отражение социальной роли мужчин в былинах/ С.В. Козловский // Шибановские чтения 2004. Материалы конференции. - Ижевск, 2004. - С. 67-72.
6. Козловский С.В. Толерантность в эпической традиции и социальной практике Древней Руси XI – XIII вв./ С.В. Козловский // Вестник ИжГСХА. - 2005. -№1 (4). - С. 7-10.